

Ю. А. ДЗИЦКОЙТЫ
(ЦСАИ ВНЦ РАН, Владикавказ)

РЕЦЕНЗИЯ

на книгу В. В. Напольских «Очерки по этнической истории»

(Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2015. – 648 с., ил.)

Новая книга известного российского ученого, доктора исторических наук, член-корреспондента РАН Владимира Владимировича Напольских посвящена широкому кругу вопросов, касающихся древнейшей истории уральских народов, а также их исторических связей с арийскими и некоторыми другими индоевропейскими народами. Много внимания в книге уделено контактам между отдельными финно-угорскими языками, с одной стороны, и различными языками Северной Евразии – с другой.

Материал, вошедший в рецензируемую книгу, в значительной своей части публиковался в различных отечественных и зарубежных изданиях, разбросанных от Урала до Парижа, и от Санкт-Петербурга до Владикавказа, и в силу этого малодоступных. Следует поэтому приветствовать решение Института археологии Академии наук Республики Татарстан издать работы В. В. Напольских отдельной книгой.

История, археология, этнография, фольклор, мифология, сравнительно-историческое и типологическое языкознание, лингвистическая география – вот те области науки, счастливое сочетание которых в рецензируемой книге позволило автору сделать важные выводы по фундаментальным вопросам уралоистики, индоевропеистики, этнической истории региона и другим более частным вопросам. Даже простого перечисления глав книги достаточно для суждения о широте и глубине охвата материала: «Предыстория уральских народов», «Uralo-Indogermanica», «Ономастика и предыстория», «Wörter und Sachen», «Мифология и фольклор», «История и этимология удмуртского языка». И хотя общим стержнем всей своей книги автор считает этническую историю, этимология занимает в ней если не решающее, то важнейшее место. Именно владение навыками лингвистического анализа позволило автору глубоко проникнуть в суть исторических и культурологических проблем, представляющих интерес для широкого круга читателей. Попробуем рассмотреть эти вопросы с позиций иранистики.

Контакты между уральскими и арийскими языками относятся к числу наиболее древних в истории этих языков. Их выявлению и анализу посвящена огромная литература, результаты которой в настоящее время нуждаются в критическом осмыслении. Анализ, проведенный В. В. Напольских, дает основание для важных выводов о времени и роли уральско-арийских контактов. В качестве иллюстрации к сказанному мы позволим себе привести довольно пространную цитату из рецензируемой книги: «Время распада уральского и финно-угорского праязыков определяется прежде всего с помощью выявленных в уральских языках заимствований из индоиранских (арийских) языков, которые распределены следующим образом: в уральском праязыке не было индоиранских (и индоевропейских вообще) заимствований, в самодийском праязыке имеются только весьма немногочисленные заимствования из языка среднеиранского типа, что говорит об очень поздних (едва ли ранее конца I тыс. до н.э.) контактах прасамодийцев с населением евразийских степей. В финно-угорских языках имеются восходящие к праязыку (т.е. распространённые во всех или почти во всех группах финно-угорских языков) слова, заимствованные из индоиранских языков уже после выделения их из индоевропейской общности, но отражающие ещё очень ранние стадии развития звукового строя этих языков. Более поздние арийские (точнее уже собственно иранские) заимствования в финно-угорских языках отдельных групп (прежде всего – в венгерском, пермских и марийском) показывают, что, во-первых, контакты финно-угорского населения лесной зоны Евразии с лесостепным и степным населением, говорившим на арийских (иранских) языках были скорее всего непрерывны с прафинно-угорского времени вплоть до смены этого населения в степях тюрками, и, во-вторых, что распад финно-угорского праязыка произошёл после распада праиндоевропейского, в период самостоятельного развития языков индоиранской (арийской) ветви, но до сложения собственно иранских языковых форм, зафиксированных в древнеперсидских и авестийских памятниках рубежа I-II – середины I тыс. до н.э.» [с. 12].

Как видим, арийский, а затем и иранский языковой материал сопутствует уральскому, прежде всего – финно-угорскому, на протяжении огромного отрезка времени – с глубокой древности до средневековья. Эти контакты имели важное значение как для уральских, так и для арийских языков, в частности для осетинского. Они нашли отражение в том числе и в мифологии и фольклоре этих народов. Убедительный материал обобщающего характера представлен в известной монографии Г. М. Бонгард-Левина и Э. А. Грантовского «От Скифии до Индии». Много интересных параллелей находим и в рецензируемой книге [с. 242 и сл., 374 и сл., 388, 391, 403 и сл., 421 и сл., 426 и сл., 441, 443 и сл. и т.д.], однако, как подсказывает нам

наш опыт работы с финно-угорским фольклорным и этнографическим материалом, параллелей с иранским и, в частности, скифо-осетинским фольклором намного больше, чем это может показаться на первый взгляд¹. Собственно говоря, специальных работ по уральско-арийским фольклорным и этнографическим связям пока не существует. Если когда-нибудь такая работа будет написана, то перед нами предстанет не менее фундаментальное свидетельство былых арио-финно-угорских контактов, нежели то, которое отмечено на базе межъязыковых связей. По результатам такой работы можно было бы судить, в частности, и о времени создания отдельных сюжетов нартовского эпоса.

Много полезного заинтересованный читатель найдет и в разделе «Ономастика и предыстория» [с. 181–288]. Здесь рассматриваются как вопросы общего характера, такие, например, как «проблема субстратной топонимики (обско-) угорского и самодийского происхождения на северо-востоке Восточной Европы и, в частности, на территории Удмуртии», так и частные проблемы этимологического анализа топонимов и этнонимов региона, получивших различные, в основном неверные, толкования в предшествующей литературе. Как известно, этимологический анализ ономастики сопряжен со значительными трудностями ввиду отсутствия у многих названий такого важного компонента, как семантика. Вот наблюдения А. Мейе почти вековой давности: «Вообще этимологии собственных имен, как правило, недостоверны вследствие того, что из двух решающих факторов – звуковых и смысловых соответствий с фактами других языков – можно использовать лишь один – звуковой». Далее следует вывод, имеющий прямое отношение к предмету нашего разговора: «Языковеды, которые интересуются преимущественно этимологией собственных имен, часто становятся авантюристами от лингвистики и лишь немногие из них строго соблюдают требования метода» [Мейе 1954: 40].

Работ, пренебрегающих требованиями сравнительно-исторического метода, хватает и в уральской ономастике. Слишком строгий приговор – «псевдонаучный мусор» [с. 182], – вынесенный в рецензируемой книге такого рода продукции, на наш взгляд, обусловлен желанием автора хоть как-то повлиять на ситуацию. В другом месте [с. 231–232] В. В. Напольских, опираясь на методы своих же оппонентов, показывает, как с помощью краткого китайско-русского словаря можно в течение пятнадцати минут «выявить» целый пласт китайских названий в топонимии Удмуртии. Однако,

1 Ср., например, обычай проливать несколько капель спиртного на могилу или на стол во время посвящения ритуальной пищи покойнику у осетин с аналогичным обычаем карел: «при поминании умершего (во время поминальной трапезы. – Ю.Д.) следовало каплю вина вылить на могилу» [Сурхаско 1985: 96].

как ни печально это признавать, урок не будет усвоен – дилетанты давно выработали иммунитет против любой критики.

В рецензируемой работе хорошо представлена осетинская этимология. Наряду с общеизвестными фактами (удмурт. *andan*, коми *jemdon*, манси *jēmtən* ‘сталь’ < осет. *ændon* id. [с. 244, 320–322]; манси *aryèn* < коми *jrgeŋ* ~ удмурт. *jrgeŋ* ‘медь’ < осет. *ærxwɥ* id. [с. 244, 320, 321]; манси *sorñi* ~ хант. *sorñi* - ‘золото’ < коми, удмурт. *zarni* ‘золото’ < осет. *zærin* id. [с. 244, 320]; венг. *ezüst* ~ коми *eziš*, удмурт. *azveš* ‘серебро’ < осет. *ævzist* || *ævzestæ* id. [с. 245, 321–329]; коми *ideg* ‘ангел’ < осет. *idawæg* id. [с. 404]; коми *kert*, манси *kort* ‘железо’ < осет. *kard* ‘нож’ [с. 320]), здесь можно найти и критический анализ уже известных этимологий, и новые этимологические решения, в большинстве своем принадлежащие самому автору. На некоторых из них мы позволим себе остановиться подробнее.

Осет. *kæf-qwɥndar* ‘дракон’, букв. «рыба-хъуындар», вслед за И. М. Стеблин-Каменским, возводится к арийскому **gandharu-* – названию класса мифологических существ (ведические *гандхарвы* и под.), а пермское (удмурт. *гондыр* ‘медведь’, коми *гундыр* ‘дракон, змей’) признано заимствованием середины I тысячелетия н.э. из аланского языка [с. 284, 305 и сл., 403, 530].

Манси *ēgɥ* || *eri* || *ēru* (*ērki-*) ‘песня (в том числе – эпическая, священная и т.п.)’ ~ хант. *ārəy* || *ar* ‘песня (в особенности – эпическая, священная, шаманская)’ вслед за некоторыми исследователями возводится к среднеиран. **ā-grāy-* ‘торжественная песнь’, осет. *arġaw* ‘сказка’, *arġawɥn* ‘отправлять церковную службу’ [с. 348].

Удмурт. *мудор* ‘центр земли’ под вопросом связывается с осет. *byndur* || *bundor* ‘фундамент, основание’ [с. 390–391].

Прапермское *ort* ‘душа, духовная сущность предмета, существа’ (> удмурт. *урт* ‘душа-двойник; духовная сущность’, коми *орт* ‘двойник человека, показывающийся перед его смертью; привидение’ и т.д.) возводится к иран. **arta-* ‘истина, правда, закон’, осет. *ard* ‘клятва, присяга; праведность’ [с. 403, 426–430].

Удмурт. *zēr* ‘костёр (растение *Bromus* L.)’, ‘овсюг (*Avena fatua* L.)’, коми *zēr* ‘овёс; овсюг’ и пр. признаны «очевидным аланизмом», связанным с осет. *zæra(æ)-* ‘зелень, трава’ [с. 518].

Удмурт. *ukir* ‘очень, слишком’ признано заимствованием из скифского **agar* (ср. осет. *ægær*) ‘слишком, чрезмерно, с избытком’, хотя удмурт. *-k-* позволяет предположить и более ранний источник [с. 518].

Удмурт. *вöсян* ‘моление, принесение жертвы’ признано заимствованием из аланского, ср. осет. *wisæn* ‘послушание, повиновение’ [с. 525].

Удмурт. *ošorog* – название обходного обряда с ряжением и эротической символикой, проводимого после Великого дня, в котором участвуют преимущественно женщины (в некоторых деревнях мужчины должны были даже прятаться во время этого обряда), а также – напитка (обычно – специально приготавливаемого ржаного пива), которым угощают участниц в каждом доме. Это слово, не имеющее удовлетворительной этимологии на финно-угорской почве, возводится к фонетически и семантически безупречному этимону – аланскому **oša-rānga* ‘женская медовуха’, ср. осет. *us* || *osaē* ‘женщина’ и *rong* ‘медовуха’ [с. 528–529].

На наш взгляд, менее очевидным является заимствование кавказского *č'arx-* ‘корнеплод; свёкла’ через древнеосетинское (аланское) **cærx* (> **cæxr* > осет. *cæxæra*) в болгарский в виде **čärk* ‘корнеплод’ (> чуваш. *šar(ə)k* ‘репа’), откуда, в свою очередь, заимствованы названия ‘репы’ в пермских языках [с. 501–506, 508]. Однако в осетинском метатеза *-rx-* > *-xr-* невозможна. Для осетинского обычно обратное направление метатезы: все древнеиранские сочетания *-xr-* (*-kr-*, *-γr-*) перешли соответственно в *-rx-*, *-rγ-*. Таким образом, осет. *cæxæra* не может восходить ни к кавказскому *č'arx-*, ни к аланскому **cærx*. Единственным надежным источником осетинского слова остается груз. *č'arxal-i* ‘свёкла’, которое через закономерную метатезу *r-l* > *l-r* в осетинском дало промежуточную форму **čalxar*, упростившуюся затем в **čaxar* > осет. *cæxæra*. И хотя осет. слово, судя по субституции *č' > č*, довольно древнее заимствование, его придется исключить из приведенной цепочки заимствований. В то же время необходимо указать на турецкое *çoyur* ‘свёкла’ и другие формы, рассмотренные в [Цаболов, I: 225, 230], как на возможный источник болгарского слова. А если учесть предложенную для всей группы реконструкцию Г.Бейли в виде **čak-* ‘быть остроконечным’ [Bailey 1979: 97]², то можно допустить существование скифо-сарматского **čak-ra-* ‘остроконечный (корнеплод)’, откуда при достаточно ранней метатезе – сарматское и аланское **čark-* ‘корнеплод’. Эта форма и могла породить болгарское слово, а также и кавказское *č'arx-*, но не современную осетинскую форму, которую в любом случае следует рассматривать либо как заимствованную, либо как результат обратного заимствования.

В заключение отметим, что заинтересованный читатель найдет в исследовании В. В. Напольских много других интересных и полезных сведений по иранской этимологии. Пожелаем же талантливому российскому исследователю новых творческих успехов!

2 Не исключено, что данная основа послужила источником происхождения древнеиранской основы **čakāta-* ‘лоб’, ‘острие; вершина горы, верхушка; макушка’, более ранняя история которой считается неясной [ЭСИЯ, III: 215].

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

МЕЙЕ 1954 – *Мейе А.* Сравнительный метод в историческом языкознании / Пер. с франц. – М.: Изд-во иностранной литературы.

СУРХАСКО 1985 – *Сурхаско Ю.Ю.* Семейные обряды и верования карел. – Л.

ЦАБОЛОВ, I – *Цаболов Р.Л.* Этимологический словарь курдского языка. Т. I. – М.: Восточная литература, 2001.

ЭСИЯ (III) – *Расторгуева В.С., Эдельман Д.И.* Этимологический словарь иранских языков. Т. III. – М.: Восточная литература, 2003.

BAILEY 1979 – *Bailey H.W.* Dictionary of Khotan Saka. – Cambridge.